

Линь Луси, конечно, и не думал злиться по-настоящему — не тот повод, да и характер у него сейчас был скорее «прощающе-ироничный», чем обидчивый. Но раз уж ситуация требовала, он всё-таки решил немного сыграть: пусть Юэ Синхэ понервничает, пусть почувствует, что не стоит бросаться такими подозрениями направо и налево.

Он демонстративно сдвинулся со своего места и, не сказав ни слова, тяжело плюхнулся на диван напротив — так, чтобы между ними возникла понятная дистанция. И до самого момента, когда финал уже почти должен был начаться, Линь Луси не удостоил Юэ Синхэ ни взглядом, ни репликой — будто действительно обиделся.

Юэ Синхэ, глядя на это, решил, что тот и правда разозлился. Но, как ни крути, ни Элиза, ни Гао Кэюнь не были «безопасными». В этой их компании вообще не было девушек, которые подошли бы Линь Луси — слишком острые, слишком гордые, слишком привыкшие брать, а не договариваться. Если Линь Луси когда-нибудь и захочет отношений, думал Юэ Синхэ, то ему нужна другая: простая, тихая, мягкая, такая, что не будет таскать за собой шлейф интриг и неприятностей.

Когда объявили время, участники начали выходить на арену. Финал ещё не стартовал официально, но в сети, в официальном прямом эфире Университета Союза, зрители уже кипели обсуждениями: кто же всё-таки заберёт чемпионский титул.

— Я думаю, победит четверокурсник Чжоу Сюйсюй. Двойной А по телу — таких на весь Земной Союз меньше сотни. Говорят, он зверски трудолюбивый: свободная минута — и он в тренировочном зале. Да и вообще, он старший курс, остальные рядом с ним — просто мелочь.

— Какой Чжоу Сюйсюй, вы что! А где наша Цянь-цзе? Её «ноги без тени под юбкой» — это же легенда, она ногами метёт как ураган!

— А я за первокурсника Юэ Синхэ. У него каждый бой — две-три минуты, и всё, конец. Сила — железобетон!

— Да, талант у Юэ Синхэ крутой, спору нет, но он же первак, алло! Одного таланта мало — нужна же ещё и тренировка, и время. Я бы на него не ставил.

Пока комментаторы и зрители с пеной у рта спорили, Линь Луси уже открыл сайт ставок и сделал своё дело.

Из всех финалистов именно на победу Юэ Синхэ коэффициент был самым высоким — и это Линь Луси только радовало. Он, не размениваясь на сомнения, поставил десять тысяч.

Потому что Юэ Синхэ — главный герой этой истории. А главный герой, по законам жанра и по логике мира, проигрывать не может.

Почему не поставить больше? Потому что такие ставки контролируются официально: мелкая игра — для азарта, крупная — для беды, а слишком крупная — для того, чтобы сжечь себе жизнь. У таких «прудов» всегда есть дамба — лимит.

На Юэ Синхэ ставили мало: новичок, первокурсник, слишком свежий. Поэтому коэффициент и взлетел. Линь Луси прикинул будущую сумму на счёте — и невольно расплылся в улыбке так широко, что глаза превратились в узкие щёлочки.

И в реальности всё шло ровно так, как он ожидал: Юэ Синхэ даже против старших курсников держался так, будто играет, а не бьётся за титул. Какая бы ни была скорость у соперника, как бы ни давил он силой — Юэ Синхэ находил ответ. Двигался легко, точно, словно заранее знал, куда придётся удар.

В какой-то момент в схватке его верхняя часть формы не выдержала и порвалась ещё сильнее, обнажив гладкие, идеально очерченные восемь кубиков пресса. И толпа, которая и так была им ослеплена, окончательно потеряла самообладание: крики, визги, восторженный вой — люди будто выпускали наружу кипящую кровь, которую этот «идеальный мужчина» разбудил одним движением плеч.

Некоторые были настолько впечатлительны, что у них даже пошла кровь из носа — причём у особо «талантливых» сразу из двух ноздрей.

Даже Линь Луси, человек вроде бы бывалый, почувствовал, как его захлёстывает странное, горячее возбуждение. Во рту пересохло, горло стало шершавым. Он машинально схватил бутылку воды, приготовленную рядом, — и обнаружил, что сам не заметил, как уже выпил её до конца.

На арене бой подходил к развязке: исход был очевиден даже слепому. А свежие бутылки оставались в комнате отдыха. Линь Луси поднялся со скамьи участников и направился к выходу.

Крис махнула рукой:

— И мне тоже прихвати воду, ага! Спасибо!

Линь Луси рассеянно кивнул — мол, да-да.

От скамьи участников до комнаты отдыха вёл длинный коридор, который ломался, разветвлялся, пересекался с другими проходами, словно лабиринт. Линь Луси ходил здесь уже не раз, но всё равно вынужден был сверяться с картой на коммуникаторе — иначе легко было уйти не туда.

Когда он почти дошёл до двери, то заметил человека, который держался у проёма подозрительно: то ли прислушивался, то ли подглядывал, прижавшись к стене, как воришка. Линь Луси приподнял бровь, подкрался молча и остановился у него за спиной. Потом, резко, без предупреждения, спросил:

— Ты кто?

— Ой, да твою ж...!

Человек подпрыгнул на месте, обернулся — и, увидев, что это «свой», мгновенно сменил тон: неловкость, которую поймали за руку, исчезла, уступив место раздражённой наглости.

— Линь Луси, ты чего ходишь как привидение?! Ни шагов, ни звука! Ты что, сдохнуть хочешь?!

Линь Луси прищурился:

— Чжоу Цзыхэн. А ты здесь что делаешь?

На секунду взгляд Чжоу Цзыхэна дёрнулся в сторону — мелкая, почти незаметная утечка. Но он тут же собрался и выпалил с показной правотой:

— А тебе какое дело? Ты можешь приходить — значит, и я могу. Друзья Синхэ — это не только ты один!

— Я просто спросил, — спокойно ответил Линь Луси. — Чего ты так взвёлся?

Он ещё раз внимательно оглядел Чжоу Цзыхэна — с тем самым сомнением, которое не нуждается в словах.

— Ты? И вдруг с добрыми намерениями?

Линь Луси не успел продолжить, как снаружи донеслась волна победного рёва — очевидно, бой закончился. В коридоре послышались шаги. Линь Луси повернул голову на мгновение... а когда снова посмотрел вперёд, Чжоу Цзыхэна уже и след простыл: улизнул, как дым.

— Почему стоишь у двери и не заходишь?

На этот голос Линь Луси обернулся — и тут же «врезался» взглядом в совершенную линию мышц.

Юэ Синхэ только что закончил бой. Форма на нём висела рваная, изорванная — так, что едва прикрывала нужные места на груди, словно нарочно создавая эффект «почти раздет». От него исходило тепло — плотное, живое, будто он был раскалённым металлом послековки.

И это тепло странным образом действовало: казалось, оно заразно. Линь Луси почувствовал, как горло пересыхает ещё сильнее, зудит, будто от жажды и от чего-то ещё, менее понятного.

Он поднял руку — и одним пальцем ткнул в рельеф между мышечными «впадинами», нажал, словно проверяя, настоящий ли он.

Голос у Линь Луси вышел чуть глухой:

— Слушай... жарко. Отойди от меня подальше.

Фраза получилась странная, ни к чему не привязанная, как будто он сам не до конца понял, что сказал. Юэ Синхэ наклонил голову, вопросительно приподнял бровь: чистое «что?» без слов.

Линь Луси уже представил его мысленные вопросительные знаки — и почти улыбнулся, когда...

— Синхэ!

В разговор вмешался другой голос — холодноватый, сдержанный.

Юэ Синхэ стоял спиной к подошедшей, только начал поворачиваться — и в эту же секунду Линь Луси буквально ладонью втолкнул его внутрь комнаты отдыха:

— Иди переодейся сначала.

Юэ Синхэ не стал спорить: разговаривать с кем-то, будучи в таком виде, действительно было неудобно и неуважительно.

Линь Луси же остался у двери, словно «охранник», и широко, даже слишком дружелюбно поздоровался:

— Элиза, привет. Ты к Синхэ? По делу?

Он поймал шанс: утром вытянуть из Юэ Синхэ подробности не вышло — может, получится через Элизу.

Элиза была в характерной для эльфов одежде — лёгкой, будто сотканной из воздуха, и сама выглядела «не из мира». Но презрение к Линь Луси она даже не пыталась скрывать: подняла подбородок, скользнула по нему взглядом снизу ресниц — и тут же уставилась на дверь, словно Линь Луси был для неё не человеком, а случайной пылью.

Эльфы, как правило, держались холодно. К тем, кто им не нравится, они не делали скидок и не надевали вежливость. В оригинале Элиза и правда отличалась тем, что относилась иначе

только к Юэ Синхэ. Другой на месте Юэ Синхэ мог бы растаять за минуту — получить «особое отношение» от такой красавицы и тут же сдаться, липнуть, как мёд.

Но Юэ Синхэ был камнем. Сколько бы разных «богинь» — горячих, гордых, капризных, ледяных — ни пытались его взять, они ломались об него, снова поднимались и снова ломались. Он был той самой вершиной, на которую никто не мог взобраться.

— Вообще-то я могу тебе помочь, — сказал Линь Луси наконец. Любопытство его грызло слишком сильно.

Элиза, видимо, решила, что раз он всё-таки друг Юэ Синхэ, то можно подарить ему крошку внимания. Она бросила один-единственный взгляд — скупое, как милостыню:

— Ты? Чем ты можешь помочь?

В её голосе презрение даже не пряталось — оно звучало открыто.

Линь Луси лишь улыбнулся. После жизни в конце света его трудно было задеть такими детскими уколами: у него «порог чувствительности» давно поднялся, и он умел быть терпеливым — и с женщинами, и с детьми, и со стариками.

— Тем, что ты любишь Юэ Синхэ, — сказал он всё так же легко. — И тем, что я его друг.

В глазах Элизы что-то дрогнуло. Надо признать: ухаживания за Юэ Синхэ были самым сложным испытанием в её жизни.

Поклонниц много? Для неё это мелочь — лишь доказательство его харизмы. Настоящей проблемой было другое: Юэ Синхэ держал дистанцию так, что к нему невозможно было подойти ближе.

Если бы кто-то, кто находится рядом с ним, передавал ей информацию и помогал выбирать моменты... да, это могло бы сильно повысить шансы.

Элиза заметно заинтересовалась, но всё равно попыталась выставить условие:

— Ты же его друг. Если ты его «продаёшь», не боишься, что я расскажу Синхэ?

Линь Луси улыбнулся ещё шире:

— Ты хочешь его добиться?

Элиза:

— ...

— Хочешь — тогда не болтай попусту, — мягко, но очень ясно сказал Линь Луси.

Элиза снова промолчала.

— Давай, добавимся в контакты, — продолжил Линь Луси, как будто речь шла о пустяке. — Так будет удобнее.

Элиза поколебалась, но всё-таки согласилась и, добавляя его, бросила предупреждение:

— Помни, что ты сказал. Не вздумай выкидывать что-то лишнее.

Линь Луси внутренне фыркнул: честно говоря, если бы не знание того, что в будущем она «слетит с катушек», он мог бы одним-двумя словами задавить её так, что она ещё неделю бы молчала. Но что толку спорить с девушками? Пусть себе бегают за главным героем — ему-то это чем мешает?

Контакты обменяли, сделали пометки. Элизу кто-то позвал по связи — и ей пришлось уйти.

Не прошло и нескольких секунд, как появился следующий гость.

Линь Луси мысленно присвистнул: что за день такой — проходной двор, а не коридор.

На этот раз пришла Гао Кэюнь. Она была безупречно собрана: макияж, причёска, одежда — всё подобрано так, чтобы на фоне остальных выглядеть дороже, выше, ярче, «сильнее».

Камни на ожерелье вспыхивали так, что Линь Луси даже прищурился, и спросил с очевидным подозрением:

— Ты зачем пришла?

Лицо Гао Кэюнь на мгновение побледнело — словно у неё тут же разом заболело всё: и щека, и живот, и гордость. Веко дёрнулось.

Выступление Юэ Синхэ в финале уже разлетелось по сети: ролики, нарезки, восторженные клипы были повсюду. Гао Кэюнь понимала: как только финал закончится, на него навалятся ещё больше сил и организаций. Тогда будет поздно.

Мягкая стратегия не работала. Она торопилась — и в голове у неё начали возникать другие, более «резкие» варианты.

— Я к Юэ Синхэ, — сказала она холодно.

Ей явно не хотелось говорить с Линь Луси, но он стоял у двери, и ей пришлось.

— А, — протянул Линь Луси. — Ты тоже пришла его «звать»?

— Звать? — Гао Кэюнь напряглась. — Кто ещё приходил к Юэ Синхэ?

Она поздно спохватилась: да, конечно. С таким человеком невозможно оставаться «единственной». Но то, что к нему начали подходить ещё до финала, показывало: его уровень превосходит её ожидания.

Линь Луси лукаво блеснул глазами:

— Да так... немного. Пара человек. Элиза только что ушла.

При имени Элизы лицо Гао Кэюнь потемнело.

До прихода Элизы именно Гао Кэюнь считалась «школьной королевой», и поклонников у неё было не меньше, чем у топовой звезды. Но стоило появиться Элизе — часть внимания утекла. Формально Гао Кэюнь по-прежнему называли «школьной красавицей», но теперь к этому неизменно добавляли слово «капризная», и ценность титула заметно падала.

Элиза была для неё соперницей всей жизни.

И вот теперь — Линь Луси добавил Элизу в контакты, ещё и обещает «сливать информацию»?

Лицо Гао Кэюнь пошло пятнами, пальцы сжались, и, скрипнув зубами, она выдавила:

— Тогда... мы тоже добавимся. В контакты.

Линь Луси, наблюдая, как её перекручивает, едва удержал довольную усмешку и не удержался от колкости:

— Серьёзно? А ты точно хочешь? Тебя не смущает, что я тебя тогда вынес с арены?

У Гао Кэюнь на секунду дёрнулось лицо: память тут же подкинула и боль, и унижение, и то

кислое, противное ощущение во рту после удара в живот.

— Хе-хе, — выдавила она улыбку, которая больше напоминала скрежет. — Это же матч. Травмы — нормально. С чего мне обижаться?

— Отлично, — кивнул Линь Луси. — Тогда так: добавились. И если соберёшься что-то предпринять — сначала пиши мне. Я могу проверить, свободен ли он.

Гао Кэюнь кивнула и сразу, как само собой разумеющееся, добавила:

— И ещё: какие девушки к нему приходят и зачем — ты тоже мне сообщай.

Линь Луси дал понять, что при наличии «платы за сведения» обсуждать можно всё.

И удивительным образом Гао Кэюнь не разозлилась — наоборот, заметно расслабилась. Деньги были ей понятны: если Линь Луси просит оплату, значит, он действует из корысти, а не из тайного желания. Бесплатная помощь вызвала бы у неё куда больше подозрений.

— Будешь работать нормально — награда будет, — бросила она.

Она хотела бы остаться и дождаться Юэ Синхэ, но стоять рядом с Линь Луси было испытанием терпения. Не прошло и пары минут, как она развернулась и ушла.

Когда Юэ Синхэ вышел переодетым, в коридоре уже стоял один Линь Луси. Юэ Синхэ решил, что Элиза просто не дождалась и ушла — и ему было всё равно, поэтому он даже не спросил.

Нужно было перевести дух — и вскоре начинался следующий этап. Линь Луси, улыбаясь, проводил Юэ Синхэ взглядом.

Юэ Синхэ вышел из длинного коридора на свет — и вдруг, ни с того ни с сего, чихнул. Неприятное предчувствие кольнуло: будто где-то в стороне уже поворачивается шестерёнка событий, которых он не планировал.

А Линь Луси тем временем вернулся на скамью участников.

Крис, которая как раз горячо спорила с Цинь Хао о том, возьмёт ли Юэ Синхэ чемпионство, резко повернулась и спросила, прищурившись:

— Ты же в комнату отдыха ходил. А где вода, которую я просила?

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/17160/1605966>